

Михаил ДАНИЛОВ, академик РАН, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н.Лебедева РАН

1. Резко отрицательно. Реформы были направлены на уничтожение РАН, и только активное сопротивление им ведущих российских ученых затормозило этот процесс, но не остановило. Финансирование институтов РАН быстро сокращалось все эти годы, за исключением конца 2017-го и начала 2018 годов. Подчинение институтов РАН ФАНО, естественно, привело к резкому усилению бюрократизации науки, поскольку финансисты, поставленные управлять наукой, в ней ничего не понимают и им необходимы какие-то формальные критерии. Многие ученые отмечали желание руководителя ФАНО М.Котюкова прислушиваться к мнению ученых и находить конструктивные решения. Но это лишь немного сгладило отрицательные результаты реформы. Надежда «реформаторов» на перетекание научных исследований в университеты не оправдалась. В значительной мере рост показателей научной активности университетов является результатом публикаций статей учеными РАН с указанием их места работы в университетах. По-прежнему институты РАН публикуют большинство качественных статей в стране, т.е. статей в уважаемых журналах. Нельзя было слепо копировать западные примеры организации научных исследований в университетах. Здравую идею объединения науки и образования надо воплощать с учетом российских реалий, например, развивая физтеховскую систему базовых кафедр, развивая (а не уничтожая) академическую аспирантуру, создавая академические университеты и т.д.

2. Очень печальным, если не будут сделаны решительные шаги по изменению ситуации. Необходимо реальное управление институтами срочно передать Российской академии наук.

Правильно было бы передать академии руководство ВАК, при этом техническое обслуживание работы ВАК должно обеспечивать Министерство науки и высшего образования. Надо двигаться к интеграции науки и образования с учетом российских реалий. Необходимо резко уменьшить бюрократизацию науки.

Надо срочно разработать и принять закон о РАН, дающий ей реальные полномочия в организации и развитии фундаментальных исследований в стране. Надо включить фундаментальные исследования в список приоритетных научных направлений.

Самой академии надо шире привлекать к управлению молодых ученых, развивать институт профессоров РАН. Необходимо активно поддерживать исследования, ведущиеся на мировом уровне, но при этом сохранять широту направлений. Нельзя концентрироваться только на «приоритетных» исследованиях. В фундаментальной науке нельзя точно предсказать будущие открытия. Но это не означает, что надо поддерживать совершенно неконкурентноспособные исследования и имитацию научных исследований. Оптимизация необходима, но ее должны проводить ученые.

Наконец, необходимо резко увеличить финансирование фундаментальной науки.

Увеличение оплаты труда научных работников в 2018 году лишь частично улучшило ситуацию. По-прежнему бюджет всех институтов РАН сравним с бюджетом одного крупного научного центра в США или Европе.

Многие ученые с надеждой встретили указ Президента РФ о подготовке к празднованию 300-летия РАН, увидели в этом знак улучшения отношения к РАН со стороны руководства страны и гарантии существования академии в ближайшие годы.

Боюсь, они заблуждаются. Стиль проведения последней реорганизации управления наукой (упразднение ФАНО и разделение Минобрнауки на два министерства - без консультаций, насколько можно судить, с президентом РАН), скорее, говорит о желании полностью отстранить РАН от организации фундаментальных исследований и оставить ей в лучшем случае только церемониальную роль.

А юбилей можно праздновать, даже если РАН исчезнет. Празднуем же мы юбилей А.С.Пушкина.

Егор ЗАДЕРЕЕВ, к.б.н., ведущий научный сотрудник ФИЦ «Красноярский научный центр» СО РАН

1. Их трудно оценивать, потому что реформы еще не закончились. Создание нового Министерства науки и высшего образования, в которое переходит в том числе и ФАНО, вновь ставит академическую науку в состояние неопределенности. Однозначную оценку того, что уже произошло за пять лет, дать тоже сложно. При этом взгляды ученых разных отделений наверняка будут различаться. Для многих, особенно в центральной части РАН, камнем преткновения стали вопросы рейтингования, оценки институтов на основе публикационной активности, жесткая привязка бюджетных проектов к публикациям. Для сибиряков это не было ни новшеством, ни вопросом острых дискуссий. Дело в том, что до реформы 2013 года региональные отделения РАН и его центральная часть во многом были независимы. Если говорить про Сибирское отделение, то тут для институтов и до реформы были нормой наукометрические подходы к оценке эффективности работы, рейтинги как внутри институтов, так и на уровне объединенных ученых советов по наукам. Были в Сибирском отделении и свои внутренние конкурсы, основанные на достаточно жесткой конкуренции. Например, программа поддержки стационаров, в которой финансирование инфраструктуры напрямую зависело от результативности использования полевых стационаров, выраженной в количестве и качестве публикаций. В этом смысле реформа 2013 года и переход институтов на унифицированное прямое финансирование из бюджета для Сибири стали шагом назад.

Пять лет ушло на то, чтобы наконец-то была проведена независимая оценка всех институтов РАН. С другой стороны, за эти же пять лет в системе финансирования так и не появилось конкурсных механизмов. Качество и эффективность работы не стали критериями, которые влияют на количество денег, получаемых институтом. Считаю, что за пять лет можно было добиться большего в вопросах внутреннего аудита и использования критериев качества и эффективности работы в распределении финансирования.

Вторым заметным результатом реформы стало укрупнение институтов путем создания федеральных исследовательских центров (ФИЦ). В этой части Красноярск был одним из лидеров. Именно здесь был создан первый ФИЦ, организованный по территориальному принципу. Как один из активных участников его создания считаю такое решение правильным в существующих юридических и финансовых условиях. Важно отметить существенное отличие схемы создания ФИЦ путем объединения институтов от похожего по форме образования федеральных университетов. В укрупненных университетах схема управления строго вертикальная, что при определенном размере организации делает внутреннюю бюрократию малоуправляемой. При создании ФИЦ, по крайней мере, в Красноярске, удалось найти такой юридический статус для институтов - обособленное подразделение - который наделяет их высокой автономностью. Это делает управление более гибким, не приводит к строгому административно-

му давлению на институты и контролю со стороны центрального аппарата. При этом, что крайне важно, центр управляет всей инфраструктурой, централизованно решаются общие вопросы (лицензирование, аспирантура и прочее). Такое сочетание вертикальных и горизонтальных механизмов управления не приводит к росту бюрократии и косности внутри крупной организации.

2. Нужно быть реалистами. Вектор развития научной сферы во многом уже задан Стратегией научно-технологического развития России и майскими указами президента. Ожидаемый к 2024 году почти двукратный рост расходов на науку и образование до 2% от ВВП будет распределяться точно. Это и объекты «мегасайенс», и обозначенные в майском указе 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе сотрудничества университетов, научных институтов и предприятий.

Принципы создания последних мне видятся крайне важными. В указе президента, по сути, озвучен региональный, а не ведомственный подход к созданию научно-образовательных центров. Это крайне важный момент. В рабочей версии рейтинга научных городов страны «Интерфакса» отмечается, что в России до 48% научного продукта производится в Москве. Ни в одной другой развитой стране мира такой региональной концентрации науки не наблюдается. Можно сказать, что такое неравномерное распределение научного потенциала является одной из угроз для целостности и интеллектуального развития страны. В том случае, если

за создание научно-образовательных центров мирового уровня будут бороться города и регионы, можно ждать определенной децентрализации науки.

Что же касается судьбы РАН... Несмотря на пессимизм последнего времени, пространство для маневра есть. Другое дело, что этот шанс, как и любой другой, нужно использовать с умом. Сейчас речь идет не о привычной игре словами в планах институтов или автосборке мелких тем в крупные - в недрах РАН должны найтись прогрессивные и амбициозные силы, которые смогут сформулировать и реализовать планы по созданию точек превосходства и опережающего развития. Стратегия размазывания тонким слоем существующих финансов уже давно не актуальна. Очевидно, что в этом случае отставание от мировых лидеров будет только нарастать. Ближайшее будущее - точечное крупное финансирование лидеров, которые будут чувствовать себя довольно комфортно. Для остальных - режим остаточного внимания, стагнация и, возможно, вымирание. При этом, как и 10 лет назад, судьба институтов РАН в их собственных руках. Главное не оглядываться на других, забыть про экстенсивное развитие и быть готовым предложить свой сценарий прорыва.

Максим ЛИТВАК, д.ф.-м.н., заведующий лабораторией Института космических исследований РАН, руководитель рабочей группы профессоров РАН по разработке механизмов повышения публикационной активности и производительности труда ученого

1. На мой взгляд, к 2013 году реформа РАН назрела. Однако крайне неприятным сюрпризом для ученых стал силовой характер ее проведения и отсутствие серьезного предварительного обсуждения реформаторами и реформируемым дальнейших путей развития науки. Говорилось, что преобразования направлены на повышение эффективности управления через разделение функций ученых и чиновников. Однако в итоге РАН превратилась в ФГБУ с ограниченным набором возможностей и в значительной мере утратила влияние на свои исследовательские организации, а ФАНО сформировалось в надзорный орган, распределяющий средства и пытающийся контролировать работу ученых на основе индикаторов, которые понятны чиновникам, но не всегда хорошо отражают специфику научной деятельности.

Тем не менее я считаю, что самые пессимистичные прогнозы не сбылись. Академии наук удалось адаптироваться к современным реалиям и наладить конструктивное взаимодействие с ФАНО. Президент РАН А.М.Сергеев получил кредит доверия от руководства страны на проведение дальнейших преобразований.

Одним из важных событий прошедшего этапа я считаю создание и

работу корпуса профессоров РАН - сообщества успешных молодых ученых, обладающего уникальным набором свойств. Это научный опыт, многопрофильность, тесные междисциплинарные связи, школа международного сотрудничества, сложившиеся механизмы взаимодействия в рабочих группах. Уверен, наш опыт будет полезен академии.

2. Я смотрю в будущее с изрядной долей оптимизма. Перечислю ряд моментов, которые, как мне кажется, позволяют верить в лучшее.

ФАНО фактически преобразовалось в Министерство науки и высшего образования и получило возможность лоббировать научные интересы на более высоком - правительственном - уровне. Плюсом является и сохранение преемственности - руководитель ФАНО стал главой нового министерства, что, как мне кажется, позволит избежать прежних ошибок. Кроме того, есть основания рассчитывать на более тесное взаимодействие институтов РАН и университетской науки.

По инициативе Президента РФ в Госдуме внесены поправки в закон о РАН, которые направлены на расширение функций академии. Указом президента страны утверждена масштабная Стратегия научно-технологического развития (НТР) РФ, согласован план мероприятий по ее реализации, за выполнение многих пунктов которого отвечает РАН. Надеюсь, что, активно участвуя в выполнении Стратегии НТР, Академия наук будет не только пассивно выполнять экспертные функции, но и сформирует активную позицию по многим направлениям, например, в части национальных приоритетов и предложений по крупным научным проектам, в том числе инфраструктурным, о которых говорится в новом майском указе Президента РФ.